

*Винсенту,
большой любви
всей моей маленькой жизни.*

Нет случая — есть только встречи.

Поль Элюар

Успех — это умение двигаться от одной неудачи
к другой, не теряя энтузиазма.

Уинстон Черчилль

ДНЕВНИК АЛИСЫ

Лондон, 20 августа 2011 года

Сегодня утром у меня состоялся первый сеанс у психотерапевта. Честно говоря, идти к нему мне хотелось даже меньше, чем плавать в Темзе. Перед шикарным зданием в Ноттинг-Хилле, где располагался врачебный кабинет, у меня сдали нервы. Я закурила. Впервые за восемнадцать месяцев. Потом выбросила остаток пачки и по дороге домой побрызгалась духами, чтобы Оливер не узнал.

Оливер только что вернулся с работы. Сейчас он в прихожей. Слышу, как он снимает пальто, и по запаху понимаю: он принес рыбу с картофелем, которые купил в пабе на первом этаже нашего дома. Оливер подошел к вопросу культурной интеграции крайне серьезно: с тех пор, как мы переехали в Лондон, он живет по всем туристическим стереотипам: пьет только темное пиво, три раза в неделю ест рыбу с картофелем фри, так называемые «фиш-энд-чипс», завтракает красной фасолью и в пять часов пьет чай с молоком. Не удивлюсь, если в один прекрасный день мой благоверный облачится в форму королевских гвардейцев и поведет меня в Букингемский дворец.

МАРИ ВАРЕЙ

В отличие от него я... Я скучаю по Америке и мечтаю туда вернуться. Оливер не знает. Я не говорю.

Надо сказать, все прошло не так уж плохо. Я про сеанс. Вообще-то психотерапевт мне не совсем нужен, но если так Оливеру будет спокойнее... Психотерапевт говорила очень мало: спросила о том, что меня беспокоит, а потом, как ни странно, велела писать.

— О чем? — Я приоткрыла от удивления рот. — Я не умею...

— Я не прошу вас написать роман, Алиса. Попробуйте вести дневник. Пишите о своей жизни.

— Зачем?

— Вам станет легче. К тому же изложение мыслей на бумаге поможет выявить скрытые или подавляемые чувства.

— Мне не о чем писать. Я обычная девушка.

— Что вы подразумеваете под словом «обычная», Алиса?

— Со мной никогда ничего не происходит.

— Тогда попробуйте метод автоматического письма. Записывайте все, что придет в голову. По наитию. К следующему сеансу напишите две страницы.

И вот — я купила блокнот. Не столько из-за психотерапевта, сколько потому, что мне понравилась обложка: она бирюзовая в желтый горошек, с цитатой: «Нет случая — есть только встречи».

Ладно. Все равно мне не о чем писать, поскольку факт остается фактом: со мной никогда ничего не происходит.

2018 ОСЕНЬ

Я так устала играть по правилам,
Придерживать двери, быть вежливой,
Я не такая, какой меня видят.
Прости, малышка, мне нужно освободиться.

*Скарлетт С.-Р. и «Синий Феникс»,
«Освободи меня»*

Цифры на электронных часах, стоящих на прикроватной тумбочке, меняются с 5:44 на 5:45. Не включая свет, сажусь в постели. Потягиваюсь (три секунды), отсоединяю телефон от зарядки (четыре секунды) и отключаю режим полета (еще две секунды). Потом кладу телефон на тумбочку, между пузырьком со снотворным и стаканом воды, и аккуратно выравниваю по краю — так, чтобы он лежал ровно в десяти сантиметрах от тюбика с кремом для рук. Тянусь за стаканом и...

Нащупываю пустоту. Один, два, три...

Нет ни стакана. Ни крема.

Мне нечего выравнивать. Порядка здесь нет.

Только хаос.

«Дыши, Алиса».

МАРИ ВАРЕЙ

Выключатель не на месте. Ищу его, лихорадочно шаря по стене, и наконец включаю свет. Это не моя кровать, не моя тумбочка, не моя спальня. Чувствую, как влажнеют ладони. Меня словно парализовало. Не могу думать. Нужно дышать. Я опаздываю. Чтобы быть в офисе к семи, нужно приехать на станцию Уолл-Стрит в 6:53, для этого нужно спуститься в метро не позднее 6:32 и, следовательно, выйти из дома в 6:24, но и тогда я успею, только если светофор на пересечении улиц Уильям-стрит и Пайн-стрит загорится зеленым меньше чем за минуту...

Чтобы все шло по плану, необходимо встать в 5:46.

Однако сейчас уже 5:47.

Из глубины воспоминаний всплывает голос Анджелы, тихий и успокаивающий.

«Дыши, Алиса».

5:48. Внезапная паника рассеивает туман снотворного. Я никогда не опаздываю. Никогда. Вот уже четыре года, шесть месяцев, две недели и четыре дня я прихожу на работу ровно в семь утра. Я не могу прийти в 7:04 и тем более в 7:13.

Машинально обхватываю левой рукой правое запястье. Прикосновение к покрытым патиной подвескам, свисающим с браслета, навеивает воспоминания о шелесте волн, ласкающих мокрый песок на пляже Наррагансетт, о запахе соленого бриза. Запахе счастья из моего детства. Слышу шум океана, шепот ветра и крики чаек, перемежающиеся с гудками паромов, следующих на остров Блок. Глубоко вдыхаю, считаю до четырех и медленно выдыхаю.

В ушах снова звучит успокаивающий голос Анджелы.

«Дыши, Алиса. Все будет хорошо». Один. Задерживаю дыхание.

Два. Вспоминаю: я в отеле. Три. Я в 3623 милях от Нью-Йорка. Нет. Здесь расстояние измеряется в километрах.

Я в 5834 с хвостиком километрах от дома. Я в Париже.

Четыре. Я не опаздываю на работу. У меня больше нет работы.

Счастливая жизнь для осиротевших носочков

Давление на грудь ослабевает. Воздух возвращается в легкие. Открываю глаза. К номеру отеля не придраться: он чистый, белый, аккуратный. Здесь царит идеальный порядок: стул перед столом стоит ровно, как и меню обслуживания номеров, заточенный карандаш лежит параллельно блокноту...

Все хорошо.

Я никуда не опаздываю. Единственная встреча назначена только на десять. Сегодня мир не рухнет.

Три недели — ровно столько у меня не случилось панических атак. Анджела оказалась права: опасно было уезжать так поспешно. Слишком много эмоций, слишком много перемен, с которыми надо справиться. Но мне пришлось уехать. У меня не было иного выбора.

Тщательно застилаю кровать, несколько раз проверяю, не осталось ли складок. Идеально ровно раскладываю подушки и смахиваю микроскопические пылинки с кремового покрывала. Горничная не справилась бы лучше. Наверное, она решит, что я сумасшедшая или дура. И будет права.

Тебе не нужны эти ритуалы, Алиса. Ты должна научиться справляться с приступами паники. Должна взять себя в руки, чтобы казаться нормальной. Обычной.

Ценой невероятных усилий заставляю себя раскидать подушки, сдернуть одеяло и смять простыни. Стараюсь не смотреть на складки и угол откинутого одеяла — угол хаоса в идеальном квадрате кровати. Я должна начать новую жизнь, ради этого я пересекла Атлантику. Здесь я могу быть обычной девушкой. Обычной девушкой, с которой никогда ничего не случается.

10:04. Женщина, назначившая мне встречу, опаздывает на четыре минуты. Двести сорок секунд моей жизни потрачены впустую. Сгинули в небытие.

МАРИ ВАРЕЙ

В одном часе шестьдесят минут. В одной минуте шестьдесят секунд.

Попрavляю хвост — в десятый раз. Мне никак не понять опозданий: чтобы прийти вовремя, нужно всего-то вовремя уйти. Пространственно-временной континуум, в котором я живу, априори не отличается от пространственно-временного континуума, в котором живут остальные люди, но, похоже, во всем мире только я постигла великую тайну бытия, которую подавляющему большинству человечества еще предстоит осознать.

Время в пути = время, затраченное на транспорт +
время, затраченное на пешее передвижение +
несколько минут в запасе.

Наше время на исходе. Порой мне кажется, что одна я знаю эту страшную истину, поэтому мне хочется предостеречь тех, кто попусту тратит самый драгоценный дар, который дала нам Вселенная, а именно: время. Мне хочется сказать: вы ведь осознаете, что однажды мы умрем? Жизнь коротка, она быстро подходит к концу, на счету каждое мгновение! Время уходит, в прошлое нельзя вернуться, нам остаются лишь сожаления, похожие на осколки ракушек, выброшенных волнами на берег...

Все, хватит.

Дыши, Алиса.

Подумай о чем-нибудь другом.

Вокруг серость, сплошная серость, которой нет конца. Мелкий дождь влажной вуалью падает на лицо, а я расстегиваю пальто.

Пасмурное парижское небо низко нависает над землей, но температура — не ниже пятидесяти градусов по Фаренгейту. Сколько это по Цельсию? Нужно научиться использовать шкалу Цельсия. Со станции «Бельвиль» длинной вереницей тянется

Счастливая жизнь для осиротевших носочков

огромная толпа людей, мужчин и женщин, их зонтики серо-черными цветами распускаются один за другим. Рядом со мной спотыкается девушка, и я едва успеваю подхватить ее под локоть. Она беременна. Я взволнованно спрашиваю:

— Вы не ушиблись?

— Нет-нет. Все хорошо.

Явно опаздывая и потому нервничая, девушка наклоняется, чтобы собрать содержимое своей сумочки, которое высыпалось на тротуар. Тороплюсь ей помочь.

— Давайте я. Не наклоняйтесь.

Поднимаю ее вещи: телефон, пачку салфеток, ручку и несколько монеток.

— Спасибо, — говорит девушка, с облегчением вздыхая. — У меня так ноет спина...

Мы обмениваемся улыбками, и на короткое мгновение ее теплое выражение лица заставляет меня успокоиться. Подавляю порыв дотронуться до округлого живота, растянутого заключенной в нем маленькой жизнью. Пожелав мне хорошего дня, девушка исчезает в потоке людей, и я снова сама по себе. Чувствую, как под ногами вибрирует метро. Два миллиона двести тысяч жителей. Париж урчит, шевелится в своей вечной суете. Я поступила правильно, приехав сюда. Париж — идеальное место, чтобы исчезнуть, затеряться в толпе безликих прохожих, забыться и быть забытой.

— Алиса Смит?

Передо мной стоит невысокая женщина чуть за пятьдесят. Выглядит она элегантно: бежевый плащ, седеющие волосы собраны в пучок-улитку и зафиксированы лаком. Я протягиваю ей руку.

— Да. Здравствуйте.

— Я Джейн Томпсон из агентства «Филд и Томпсон», — говорит женщина на идеальном английском. — Мы разговаривали по телефону.

МАРИ ВАРЕЙ

— Рада встрече.

— Пойдемте, — властным тоном говорит она, раскрывая над моей головой шотландский зонт. — Как видите, до метро рукой подать.

Но я хотела другого, поэтому, откашлявшись, говорю:

— Вообще-то я думала о квартире поближе к Марэ или Монмартру...

Она останавливается и громко смеется.

— А почему сразу не в Диснейленде? Знаю, американцы любят Марэ и Монмартр, но это очень туристические места. В Марэ по выходным столько людей, что не протолкнуться, а Монмартр далеко от центра. К тому же там полно туристов и карманников. И потом, учитывая ваш бюджет, об этом не стоит и думать...

— Вот как.

Прячу разочарование под сокрушенной улыбкой. Я наивно представляла себя в мансардной квартире с открытыми деревянными балками и видом на базилику Сакре-Кер, и теперь мне стыдно, что я выгляжу стереотипной американкой.

Мы проходим мимо китайской закускойной, прачечной и греческого ресторана, в витрине которого видно, как с вращающегося на вертеле мяса капает жир. Вспоминаю фотографии украшенного подсветкой музея Орсе и сада Пале-Рояль с колоннадами, обрамленными аркадами. Нам рассказывали о них на уроках французского. Тогда я и узнала про «стиль Османа». Прекрасно помню определение этого термина, которое стояло в моем американском учебнике под изображением величественного здания с длинными балконами из кованого железа: «Архитектурный стиль Парижа, созданный префектом Сены бароном Османом в середине XIX века».

Однако, учитывая постапокалиптическое состояние моего банковского счета, стоит забыть улицу Риволи, Монмартр и Марэ, поэтому я решаю довериться Джейн Томпсон.

Счастливая жизнь для осиротевших носочков

Она останавливается перед домом с облупившейся краской, втиснутом между школой и магазинчиком восточных сладостей, вводит код и пропускает меня внутрь.

— Квартира находится на бывшем служебном этаже. Там светло и очень тихо, вот увидите.

Госпожа Томпсон энергично трясет зонтом, забрызгивая потрескавшуюся плитку, которой выложен холл. Мы направляемся к лифту и поднимаемся на шестой и последний этаж, откуда попадаем в небольшую квартиру. Гостиная переходит в оборудованную по последнему слову техники кухню. Как объяснила госпожа Томпсон, во Франции такую планировку называют «американской кухней», и добавила, что здесь я буду чувствовать себя «как дома».

— После предыдущего жилья в квартире сделали ремонт. Вся мебель новая и функциональная: диван, встроенный шкаф, современная звуковая система с двумя колонками... Благодаря мансардному окну в спальне светло даже в непогоду. Ванная комната — три квадратных метра, но ванна вмещается. Как видите, квартира маленькая, но светлая и чистая.

Распахиваю единственное в гостиной окно и выглядываю наружу. Мне открывается вид на расположенную по соседству начальную школу. Слышу городской шум и редкие гудки клаксонов, тонущие в шелесте дождя. Мне вспоминается Манхэттен с его непрекращающимся пением сирен и гудением работающих летом кондиционеров. Не уверена, что эта квартира мне нравится, но ее холодная строгость действует успокаивающе. Пронзительно звенит звонок, и на детскую площадку выбегает толпа детей в разноцветных шапочках. Дети принимаются играть под дождем, симфония их радостных возгласов вызывает у меня искреннюю улыбку — первую за все время, что я в Париже. Внезапно квартира становится уютнее. Возможно, все дело в детском смехе, но теперь мне кажется, что здесь пахнет горячим шоколадом...

МАРИ ВАРЕЙ

Снова обхожу комнаты, чувствуя на себе взгляд госпожи Томпсон. Похоже, мой строгий черный костюм и собранные в аккуратный хвост волосы внушают ей доверие.

— Сколько квартир вы уже посмотрели?

— Эта первая. Можно ли убрать из гостиной динамики?

Они занимают много места.

— Я поговорю с хозяйкой квартиры. Не думаю, что она станет возражать.

— А еще у меня есть кот. Хозяйка не будет против?

— Нет, что вы! — с широкой улыбкой отзывается госпожа Томпсон. — Хозяйка обожает животных, да и я тоже! Как зовут вашего кота?

— Дэвид, — говорю я, закрывая окно.

Вижу, как госпожа Томпсон удивленно округляет глаза. Должно быть, она думает, что давать животным человеческие имена — типично американская причуда.

— Я хочу въехать, и как можно скорее. Сколько стоит аренда?

— Тысяча сто евро, включая коммунальные услуги... Знаю, это превышает ваш бюджет, но Париж — очень дорогой город, и...

— Мне подходит.

Вранье. Тысяча сто евро — это ужасно дорого, нужно побыстрее найти работу, но я справлюсь. Пора двигаться вперед. В любом случае, проживание в отеле обойдется куда дороже. К тому же мне нужно забрать Дэвида из гостиницы для животных, где я оставила его вчера, потому что отель не принимает постояльцев с кошками.

— Хорошо. Если паспорт у вас с собой, то к завтрашнему дню договор будет готов...

— Отлично.

— Однако во Франции к договору аренды строгие требования. Мне понадобятся гарантии вашей платежеспособности:

Счастливая жизнь для осиротевших носочков

платежные и налоговые ведомости, выписка с банковского счета... Еще я бы хотела связаться с вашими предыдущими арендодателями...

Три эдельвейса, стакан молока ламы и благословение Папы Римского в придачу... Задумываюсь и через некоторое время делаю вид, что понимаю ее.

— Я могу дать телефон своего нью-йоркского арендодателя.

— Отлично! Если вы снимали жилье у нескольких людей, то, пожалуйста, дайте контактные данные их всех. Чем больше гарантий, тем выше шансы, что вашу кандидатуру одобряют.

Снова задумываюсь.

— Несколько лет назад я жила в Лондоне. Если нужно, я вышлю вам номер бывшего домовладельца.

— Ах, Лондон! Чудесно! Да, давайте так и сделаем. — Госпожа Томпсон облегченно вздыхает, словно географическая близость с Великобританией делает мои гарантии более надежными. У меня от одного упоминания Лондона разрывается сердце, но я стискиваю зубы и вежливо улыбаюсь.

ДНЕВНИК АЛИСЫ

Лондон, 22 августа 2011 года

19:05

Ладно.

Раз психотерапевт хочет, чтобы я вела дневник, то я буду его вести. Всего-то и нужно, что записывать слова одно за другим. Ничего сложного. Пусть никто не говорит, что я не старалась.

Теперь передо мной дилемма: как начать? Со слов «дорогой дневник»? Или обратиться к воображаемой подруге? Для этого надо подыскать приятного собеседника. Вот только кого? О, может, так: «Уважаемая профессор МакГонагалл...»

Нет. Звучит жутко.

МАРИ ВАРЕЙ

Тогда... может, мне подойдет какой-нибудь красавчик-актер? «Дорогой Райан Гослинг...» Или актер, который всем своим видом внушает доверие? «Дорогой Брюс Уиллис...»

Получится ли у меня рассказать историю своей жизни Брюсу Уиллису?

Уж лучше ему, чем профессору МакГонагалл.

Перечитала первые строчки. Пожалуй, Оливер не зря отправил меня к психотерапевту. Мне явно нужна помощь.

The End.

20:20

Дорогой Брюс Уиллис!

Отставить панику, я здесь.

Сейчас я лежу на кровати. Оливер сидит за компьютером, работает. Как и каждый вечер. Я заварила себе травяной чай и нашла в Википедии определение автоматическому письму. «Автоматическое письмо — это метод написания текста, в котором не задействованы ни сознание, ни воля».

Итак, речь о том, чтобы писать что угодно, как угодно. Это мне по силам.

Так вот, Брюс (можно называть тебя просто Брюс?), методом автоматического письма, то есть не задействуя ни сознание, ни волю, я расскажу, во что превратилась моя жизнь.

У меня больше тестов на беременность, чем в аптеке. На холодильнике висит календарь, где я красным сердечком обвела каждую овуляцию. Мне стыдно, но пусть Оливер знает, в какие дни мы должны заниматься любовью. Поправочка: в какие дни мы должны пытаться зачать ребенка. Мы больше не занимаемся любовью — мы пытаемся зачать ребенка. Секс превратился в рутину, в кропотливое занятие с неутешительным результатом. Даже жгучий взгляд твоего коллеги Клайва Оуэна больше не пробуждает во мне желание.